

ВОСПОМИНАНИЯ АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА МАЛОФЕЕВА О СЕРГЕЕ ФЁДОРОВИЧЕ НИЛОВСКОМ

(Рассказ на встрече с учащимися школы №4 города Коломны)

Встреча ветеранов в музее школы №4 города Коломны в 1980 году, у бюста Сергея Фёдоровича Ниловского. В первом ряду слева — Анатолий Иванович Малофеев, дочь Сергея Фёдоровича Александра Сергеевна, автор бюста Татьяна Ефимовна Бермант, командир 402 ГАП (впоследствии 100 ГАСКОБР РГК) Василий Алексеевич Кузнецов

В Рязанской губернии в малюсеньком городке Михайлов служил священником отец Фёдор. У него было, если не ошибаюсь, трое сыновей и две дочери. Доход, конечно, небольшой, дать всем образование отец не мог, и Сергей Фёдорович окончил всего-навсего, так называемую, «семилетку». Это, по-моему, неоконченное среднее образование. Но Сережа среди окружающего народа считался грамотным человеком и в сельсовете работал писарем. Потому что после уже семи лет надо было работать, нужда была. Учился хорошо, сельская жизнь, леса кругом. Любил очень природу, с малых лет пристрастился к охоте. Это сыграло роль в дальнейшей его жизни.

По достижении 20-летнего возраста Сергей Фёдорович Ниловский призывается в армию. В то время армия была двух родов — кадровая и территориальная. Ну, кадровая армия — это обыкновенная армия, а территориальная, просто, можно сказать, на примере объяснить. Третий территориальный артиллерийский дивизион находился в городе Скопине, маленький городок, двадцать тысяч, я об этом уже говорил, вот. И формировался он так: если он был дивизионом, то на случай войны, мобилизации, он превращался в полк таким образом, что в него шли люди территориально из ближайших сел, городов и так далее — местные. Поэтому и территориальные. Туда шли, в артиллерии надо много лошадей, только лошади местных крестьян. Причем уже не только люди, но и лошади крестьянские, сельские, уже были приписаны к определенным батареям этого дивизиона, и дивизион развертывался в полк.

Дивизион сам готовил младших командиров. В дивизионе был, так называемый, учебный взвод. Там на протяжении, примерно, девяти-десяти месяцев готовились младшие командиры, по-теперешнему, сержанты. Сергей Фёдорович, окончивший учебный взвод с лучшими оценками, в то время, когда вышли из этого взвода старшины батарей, помощники командира взвода в управлении огневых и так далее, командиры орудий. Его, как сына священника, назначают помощником заведующего не то вещевого, не то продовольственного склада. Самая младшая категория младшего командного состава, по-теперешнему, младший сержант. И он там, значит, не то отвешивает хлеб, мясо и так далее, и так далее. Если это был продовольственный склад. А если вещевой — то, значит, занимался бельем, портянками и так далее, и так далее. Вот такая была веселая жизнь.

В дивизионе происходят новые события — приезжает новый командир дивизиона, это бывший офицер, сын царского генерала Александр Александрович Андреев. Он принимает командование дивизионом, знакомясь с офицерами и сержантским составом, устраивает нечто вроде экзамена младшему командному составу. И получается, что помощник заведующего вещевым складом младший сержант, по-теперешнему, Ниловский, лучше всех ответил по артиллерийским вопросам, тактическим и так далее, и так далее. Человек решительный, кончился экзамен, снимает с должности помощника командира учебного взвода, вместо младшего сержанта дает старшего сержанта Ниловскому, и Ниловский превращается из помзаведующего складом в помощника командира учебного взвода. И вот пожилой уже человек Александр Александрович Андреев, между прочим, мой большой друг по дальнейшей службе, полюбил этого мальчугана, и началась самая настоящая дружба. Оба любят природу, оба охотники. А охота это походы, это ночевки в лесу, это разговоры. И Сережа становится не безразличен для Александра Александровича. Он начинает его «натаскивать». Проходит какое-то время, год-два, я не знаю, он везет Ниловского в Лугу в Высшую офицерскую школу и Сережа, Сергей Фёдорович Ниловский, держит экзамен на командира взвода, по-теперешнему, становится лейтенантом. Тогда такого звания не было, но он уже становится офицер. И лейтенант Сережа, через два года, примерно, как приехал Андреев, из помзавскладом младшего сержанта, возвращается офицером сразу учебного взвода.

Судьба их обоих резко меняется. Александр Александрович Андреев назначается заместителем командира 108 артиллерийского полка, переводится к нам в Коломну. Это уже, примерно, 34 или 35 год. Но

бросить Ниловского он не хочет, у него связи в Москве, и он тащит Ниловского к нам в 108 полк на должность командира линейной батареи. Это уже должность, по-теперешнему, три квадратика старшего лейтенанта. Как-то оба они простые, сердечные люди, как-то они сразу приросли к основному костяку нашего 108 полка, о котором я сегодня обязательно должен сказать. 108 полк, это совершенно особенный полк. Как справку даю вам: 108 артиллерийский полк воспитал 10 Героев Советского Союза, 21 генерала, это все один только полк.

После войны в Академии Генерального штаба Артиллерийской кафедрой заведовал генерал-полковник Хлебников, бывший командир 108 артиллерийского полка. Начальником Артиллерийской академии Красной армии был генерал-полковник Полуэктов, бывший командир дивизиона 108 артиллерийского полка. Заместителем на кафедре Академии Генерального штаба был генерал-лейтенант Мозанов, бывший командир девятой батареи. Вот, три. Старшим преподавателем Академии Генерального штаба был Валерий Павлович Чистяков, генерал-майор, командир, первый командир 108 артиллерийского полка. Вот, четыре. Туловский генерал, заведовал кафедрой Академии Фрунзе. Вот я двух еще забыл кто. Ну, можно сказать, в Москве в это время учился генерал Ниловский в Академии Генштаба, а заместителем генерал-инспектора артиллерии был ваш покорный слуга. Семь генералов из одного Коломенского полка. Найдите мне такой второй полк в Красной армии! Такого больше не было.

Сереза назначается командиром линейной батареи. Но образование-то, какое? — семь классов общее. Военного-то образования, четырех лет, а четыре года было в Артиллерийском училище, он не кончал. Сдал экстерном. Конечно, ему трудно. У меня как-то сразу сложились хорошие, близкие отноше-

ния с Александром Александровичем Андреевым. Неплохие отношения сложились с Сережей. Он простой, сердечный человек, умеет слушать, умеет на лету схватывать незнакомое, старательный, немножко упрямый, но хороший честный человек. Бывало, придет: — «Анатолий Иванович, у тебя завтра стрельба?» — Я говорю: — «Да» — «Можно я к тебе поеду». — «Зачем, Сережа?» — «А мне посмотреть, как ты работаешь, мне только поглядеть». И действительно, сам едет на стрельбы. Лучше, лучше, лучше готовится, становится неплохим командиром батареи в нашем полку. Не думайте, что я хвалюсь, но я был сильным артиллеристом, что я с первого до последнего дня командования батареей, а у меня получается три с половиной года, я все три с половиной года держал первое место за стрельбы в полку. Два с половиной года я держал первое место в Московском военном округе. В 35 году меня от округа выделили на Всеармейские стрелково-артиллерийские соревнования командиров батарей, и я в стране нашей занял 2-е место. Михаил Николаевич Тухачевский жал мою ручку, награждая меня призом.

Полк перевооружается. Примерно 36 год. Прежде всего, у нас забирают около 500-600 лошадей. Мы прощаемся с лошадками. Переходим на механическую тягу. Но полк мощный, большая мощность — трактора, автомобили, новые орудия. Школа превращается в какой-то не то в школу, не то в гимназию, не то в институт, где все буквально, начиная от рядового до командира полка, учатся новой технике. Сплошная учеба. Приезжают инженеры с заводов, преподают устройство материальной части орудий, приезжают инженеры автомобилисты, учат автомобилю. Мы учимся утром, а на другой день, то, что вчера получили знания, передаем сержантам, рядовому составу. То есть сплош-

ная школа. Руководит этим делом Андреев, а через некоторое время, Василий Иванович Димитров. Я путаю. Уже Николай Михайлович Хлебников. До этого Димитров был.

Сереза, здесь 37 год, уже назначается помощником начальника штаба у Андреева. Без всякого утверждения, без приказа Москвы, потому что половину народа арестовали, крупных командиров. Меня назначают, то есть, вернее, заставляют работать начальником штаба полка.

И в полку трагедия — прислали новые системы небывалые, лучшие в стране, а может быть, в мире, системы орудий. А таблиц, по которым надо стрелять, таблиц стрельбы, где написано, какие установки прицелов, угломера и так далее каким соответствуют дальностям. Ведь чем угол выше, ну, собственно, вы, наверное, знаете, что угол наибольшей дальности на земле 430. Вот. Значит, чем выше задается орудие, тем дальше летит снаряд. А без таблиц — как узнать, как стрелять? А Москва требует, — проведены ли стрельбы, как и что? Над судьбой Андреева вопрос стоит, что же полк разваливается, идет лагерная жизнь, ни одной стрельбы, нет таблиц. Александр Александрович вызывает меня и Ниловского и говорит — «Друзья, положение такое-то и такое. Что будем делать?» — Решаем, что примерно 100 снарядов, и я пристреляю орудие одно, а это для всех будет подходить.

Беру себе в помощь Ниловского, организуем мы сложную большую работу, производим на различных углах возвышения выстрелы, засекают их сопряженное наблюдение четырех дивизионов и штаба полка, пять данных, таблицы. И когда эти сотни и сотни, сотни цифр Сереза увидел, схватился за голову и говорит — «Да что мы будем делать?» — «Да, что, Сереза, не поймешь что ли? Теперь все ясно. Сейчас сложим все эти углы возвышения, занесем, за-

несем засечки батареей всех пяти пунктов, всё, и построим кривую. Она нам все даст результаты, какие установки, и как, и что».

Мы провели все стрельбы, и была большая такая гордость у меня, что мои таблицы, полученные на обычной местности, и те, которые официально пришли потом сюда, стрельбы для которых проводились на специально ровном полигоне в учебном лагере в Луге, почти буквально совпали.

Пережили тяжелые годы. Последнее, что я в то время сделал, я был назначен начальником курсов младших лейтенантов. В стране было уничтожено более 500 человек только генералов одних. Были репрессированы 40 тысяч офицеров Советской Армии. Между прочим, был уволен за невозможностью использования и я. Я, — который занял второе место в стране, оказался непригодным. Но у меня была и другая ипостась. Не случайно, я люблю библиотеки, короче говоря, через два месяца я уже сдал за один год экзамены в Педагогическом институте по литературе, и поступил преподавателем военного дела и одновременно литературы под Рязанью в техникум. Через год на ту же должность был переведен в Коломенский Педагогический институт, военным руководителем института. Пришлось провести только две лекции. Пришел приказ, меня опять призвали в армию. Сразу дали мне очередное звание, вместе с женой отправили на курорт, в общем, что называется, все блага вернули.

А в 39 году произошло развертывание Коломенского полка в три полка. Первый дивизион стал базой 108 полка, второй дивизион — 402 полка и третий дивизион — 403 полка. Я стал начальником штаба 403 полка. Старший лейтенант Ниловский шел по мобилизационному плану на должность начальника штаба 402 полка. Но командир 402 полка оказался в госпитале, кто по мобплану был. Сообщают в Моск-

ву, командира полка нет, а эшелоны должны подавать, отправляться, следовать в Польшу. Говорят — отформировывайтесь, командира полка подошлем. И не подослали, забыли. Механически стал выполнять обязанности командира полка, только обязанности, никем не назначенный старший лейтенант Ниловский. Это вот первое чудо. У него таких чудес будет много. Они приехали в Польшу, проделали ту работу, которая была.

После этого прямым ходом из Польши 402 полк без командира полка перебрасывается на Карельский перешеек на границу с Финляндией. И надо же случиться так, что попал на самое горячее место. Ниловский обратился к командованию фронтом, командующему артиллерией генерал-полковнику Дмитриеву, что как быть, как что? Тот сказал: — Не валяй дурака, командуй полком. Не присылает Москва, не надо. Ты с головой? С головой. Воюй.

Ниловский без всякого приказа становится командиром полка. Полк выпустил по линии Маннергейма, это крепчайшая во всей Европе оборонительная организация. Сплошной железобетон. Местность, где потом же после оборудования обороны вырос новый лес, на несколько этажей вниз в землю сплошной железобетон, орудия, неприступная крепость. Их было в Европе две — линия Мажино во Франции и линия Маннергейма в Финляндии. И вот в военной истории надо же было случиться, что был только один прорыв укрепленной линии, в частности, Маннергейма. И прорвал этот фронт капитан, он стал уже капитаном, Сергей Фёдорович Ниловский. Подготовлено 54 тысячи снарядов, представляете? Причем каждый снаряд большой мощности, весил 6 пудов каждый снаряд.

Работал он как вол. Ну и наградили богато. Он сразу получил звание майора. Полк, один полк получил звание, пять человек — Героя Советского Союза.

В том числе первым орденом был награжден сам Сергей Федорович.

Началась война. Я с 403 полком, одиннадцатью эшелонами, одиннадцатью поездами добирался в Белоруссию. Это было страшный день, когда западнее Орши выгрузили меня и сказали, что железная дорога между Смоленском и Оршей встала.

Я знал, что одиннадцать эшелонов растянулись, примерно, на 300 км. Как собрать в разных местах. Ну, подробности не буду, не забуду никогда этих бешеных дней. Но, так или иначе, полк я собрал, вытянул. Орудиям пришлось передвигаться своим ходом. Представьте тяжеленные орудия весом 18 тонн каждое, которые идут на катках, не на колесах, катки летят, ломаются. Это был тяжелейший поход. Я ставлю себе в заслугу, что мне удалось спасти всю технику, вытащить полк. Когда-нибудь потом я расскажу вам об этих днях, Бог даст. Это было очень тяжело. Незабываемо на всю жизнь.

Нас отправили на переформировку, перевооружили. Дали нам более легкие орудия, уже не 18 тонн, а 7.5 тонн с дальностью стрельбы 20 километров. Это замечательные наши советские системы. И бросили опять на фронт, на Малоярославецкое направление, и мы там заняли оборону на реке Нара. И держали фронт в течение двух с лишним месяцев, не отступив ни один шаг. Мы тоже выпустили немного немало как около десятка тысяч артиллерийских снарядов. Сколько мы перебили немцев за это время — никто же не считал.

К чему я все это говорю? Конец ноября. Примерно 2-3 километра от Нары. Еду я среди дня, примерно, уже снег, на машине. Дорога совершенно пустая, потому что место уже простреливается артиллерийским огнем немцев. Но огня почти не ведут, тихо. Навстречу идет легковая машина. А след только одной машины, чтобы в снегу не завязнуть. Я подъезжаю к

этому месту к той машине навстречу, освобождаю одну колею, оставляю одну колею себе и одну колею оставляю встречной машине. Машины съезжаются, и я вижу в машине Сережку Ниловского. Вы понимаете, на фронте встретить в пустом месте, где, куда помотришь ни одной живой души нет, и вдруг однополчанин, товарищ! Выскочили мы из машин, обнялись с ним, расцеловались. Я говорю: «Сереж, а у меня здесь в двух километрах землянка штаба, поедем, пообедаешь у меня. А у меня бутылка коньяку есть». Развернули мы одну машину, прикатили ко мне в штаб. А я вам сказал, что мой полк 403 формировался из 3 дивизиона 108 полка, а 402 — из второго. Так что офицеры 403 полка все хорошо знали Ниловского. По газетам знали, что он Герой Советского Союза и так далее. Так что в штабе у меня был, был прямо праздник. Распили мы эту бутылочку коньяку и расстались до 45 года. Больше не встречались во время войны.

Воспроизведено с магнитофонной записи устного выступления.